

Глава 10. Игрушка

На следующий день едва забрезжил рассвет, как Юй Уцюэ со всех ног помчался на кухню. Им двигало лишь одно желание — проверить, притронулся ли Хэ Бугуй к его стряпне.

Результат превзошел все ожидания. Мало того что Шифу снизошел до ночного перекуса и съел всё без остатка, так ещё и похвалил вкус! На душе у Уцюэ мгновенно потеплело, и с тех пор его визиты на кухню участились.

Завтрак, обед, ужин и неперенный поздний перекус — каждую трапезу он готовил сам, всякий раз придумывая новые изысканные блюда. Кулинарное мастерство повара-марионетки тут же подверглось суровому ostracism, и несчастному созданию пришлось уступить место мастеру, довольствуясь ролью подмастерья.

Аппетит у Хэ Бугуя был скромным, однако он послушно пробовал всё, что приносил его названный ученик. Уцюэ зорко подмечал каждую мелочь, бережно занося в память вкусовые предпочтения наставника и изо дня в день оттачивая свои рецепты.

И пусть ему снова строжайшим образом запретили приближаться к личным покоям хозяина дворца, Хэ Бугуй всё же дозволил ему беспрепятственно посещать сад Осенних Плодов и библиотеку. Это стало неожиданной, но крайне приятной наградой за его кулинарное усердие.

Пролетело полмесяца.

Однажды в библиотеке Уцюэ столкнулся с Кунчжи. Прежде чем юноша успел раскрыть рот, слуга, так и сияющий от радости, поспешил сообщить:

— Владыка оправился от недуга. Теперь он исправно принимает пищу — пусть и совсем понемногу, — но цвет его лица стал куда лучше прежнего. Премного благодарен вам, молодой господин.

— Пустяки, право дело, — отмахнулся Уцюэ. — Скажи, а Бессмертный Тайвэй всё ещё занят делами на горе Алого Золота? Я изредка слышу оттуда странный гул... Будто там что-то взрывается, но взрывы тут же гасят. Что он там затеял?

Кунчжи мгновенно посерьёзшел:

— Молодому господину не стоит об этом расспрашивать.

Заметив на столе перед Уцюэ раскрытый фолиант и исписанный вдоль и поперёк лист бумаги — каракули юноши больше походили на шаманские защитные талисманы, — Кунчжи оценил его рвение. Он подошёл к стеллажу, достал несколько чертежных свитков и протянул их юноше:

— Здесь ранние наброски марионеток, выполненные рукой самого владыки. Настоящее сокровище. Если сумеете постичь сокрытые в них тайны, считайте, что получили личное наставление Шифу.

Уцюэ поспешно прижал свитки к груди, словно величайшую драгоценность:

— Зубами вгрызусь, а разберусь! Обещаю учиться прилежно.

Последние дни он едва ли не ночевал в библиотеке. Стоило закончить дневную рутину, как он с головой уходил в изучение древних манускриптов. А когда азарт исследователя брал верх, Уцюэ мчался в сад Осенних Плодов, чтобы на практике, разбирая готовые механизмы и марионеток, проверить свежие теории.

Чертежи Хэ Бугуя поражали изяществом и скрупулёзностью. Ход конструкторской мысли, подбор материалов, точные пропорции смесей, обоснование каждого технического решения, все достоинства и недостатки тех или иных подходов — всё было расписано с безупречной ясностью.

Без преувеличения, за эти полмесяца юноша узнал больше, чем за всю свою недолгую жизнь, когда он метался, точно слепой котёнок. Чертежи и заметки — это плоть и кровь любого мастера марионеток, крупницы бесценного опыта, омытые потом сотен неудачных попыток. И то, что Хэ Бугуй столь щедро открыл перед ним свои архивы, вызвало в душе Уцюэ благоговейный трепет. Его восхищение Бессмертным Тайвэем взлетело на недостижимую высоту.

Он ловил себя на мысли, что готов искренне поблагодарить Хэ Бугуя за ту знатную трёпку, которую тот ему задал при поимке. Не случись этого — разве сподобился бы он переступить порог Парящего дворца?

— Кстати, Кунчжи, — Уцюэ полез в рукав, — я тут в старом чулане сада Осенних Плодов откопал одну вещицу. В чертежах ничего похожего не нашёл. Взгляни-ка, это тоже работа твоего господина?

Юноша выудил из широкого рукава деревянную фигурку размером с ладонь. Игрушка изображала медведя-оборотня: резчик с поразительным мастерством передал фактуру шерсти, а морде придал утрированно-свирепое, комичное выражение. Из-за крошечного размера грозный зверь выглядел умилительно неловким.

Крошечный медвежонок умел делать простейшие движения — переставлять лапы и забавно ползать. Оказавшись на столе, он весело заковылял по столешнице, глухо постукивая деревянными сочленениями. В нём не было ни капли магии — обыкновенная забава.

Кунчжи лишь мазнул по игрушке взглядом и пожал плечами:

— А, эта безделушка... Владыка вырезал её давным-давно, шутки ради, когда выдалась свободная минутка. Зачем вы утащили её из сада?

— Не переживай, — поспешил успокоить его Уцюэ, — я верну её на место.

Он заворожённо уставился на шагающего медвежонка, погружаясь в воспоминания.

В тот день, когда Хэ Бугуй лишился чувств, Уцюэ, прибираясь у него в покоях, заметил на резной полке похожие деревянные фигурки. Конечно, эти простенькие безделушки не шли ни в какое сравнение с величественными боевыми доспехами или сложнейшими марионетками, но именно такие игрушки согревали сердце маленького Уцюэ в детстве.

Позже в заброшенном чулане сада Осенних Плодов он наткнулся на целую коробку с подобным зверьем. Всевозможные птицы, ящерицы и невиданные звери лежали там, покрытые плотным слоем вековой пыли, позабытые своим создателем.

Сколько он себя помнил, бабушка Гуань Ся время от времени приносила ему домой такие игрушки. То крошечного зайца, то птицу, а иногда и забавных деревянных человечков. Все они легко умещались на ладонке и служили единственной забавой сироте. Позже, когда Уцюэ немного подрос, он раздобыл инструменты и принялся самозабвенно разбирать и собирать их обратно. Видеть, как груда безжизненных щепок под его пальцами вновь обретает форму и начинает двигаться, было ни с чем не сравнимым восторгом. Именно тогда в его душе зародилась мечта стать великим мастером марионеток.

Бабушка никогда не говорила, откуда берутся эти чудесные поделки. А медвежонок, которого он сейчас держал в руках, не принадлежал коллекции Парящего дворца — Уцюэ привёз его с собой, отыскав на самом дне дорожного узла, бережно собранного бабушкой перед его уходом.

Кунчжи, превосходно знавший почерк своего создателя, мгновенно распознал руку мастера. Но Уцюэ и помыслить не мог, что игрушки, с которыми он засыпал в обнимку, были вырезаны великим Бессмертным Тайвэем.

В памяти всплыла их первая встреча у подножия горы Алого Золота. Тогда Хэ Бугуй, услышав его имя, одарил его ледяным взглядом. Юноша счёл это реакцией на свою дурную славу, но теперь пазл складывался иначе. Очевидно, Бессмертный Тайвэй знал о его существовании задолго до этой встречи. Возможно, ему было известно и то, кем на самом деле является Юй Уцюэ.

Какая поразительная, ироничная нить судьбы.

— Послушай, Кунчжи, — вкрадчиво поинтересовался Уцюэ, — а шифу сегодня ночью тоже будет работать в мастерской?

— Молодой господин, что вы опять задумали? — насторожился слуга.

Уцюэ добродушно похлопал себя по животу:

— Да что я могу задумать? Если он планирует засидеться допоздна, я бы приготовил ему сытной домашней лапши. Всё лучше, чем на пустой желудок трудиться.

— В этом нет нужды, — сухо отрезал Кунчжи. — Собственно, я пришёл как раз для того, чтобы предупредить вас: после ужина носа не выказывайте из сада Летнего Дождя. Сегодня ночью владыка... Словом, держитесь подальше от главного зала и ни в коем случае не тревожьте его.

Уцюэ прищурился, подозрительно оглядев слугу:

— Что за секреты? Чего ты мнёшься? С чего бы сегодняшней ночи быть особенной?

— Ничего особенного, — поспешно замахал руками Кунчжи. — Просто не шатайтесь где не просят. И верните игрушку на место. У меня дела, я пойду.

Он ретировался в явной спешке, словно боялся, что Уцюэ схватит его за шиворот и примется допрашивать с пристрастием. Слуга определённо что-то скрывал.

Запретный плод, как известно, сладок. Настойчивое предупреждение не совать нос на улицу без объяснения причин подействовало на Уцюэ в точности наоборот: любопытство вспыхнуло в нём с новой силой.

«А лапшу я всё равно сварю, — ухмыльнулся про себя юноша. — Заодно, если повезёт, расспрошу его о своём детстве. Захочет — расскажет, нет — настаивать не стану»

Уцюэ понимал: раз уж судьба связала их задолго до восхождения на Парящий дворец, глупо не использовать этот козырь. Терять столь блестящую возможность втереться в доверие к будущему Шифу он не собирался.

Наступила ночь.

Высоко в небе замер холодный диск луны. Жерло горы Алого Золота источало густое, дрожащее марево. Сгущающийся мрак не озаряли всполохи пламени, однако сама атмосфера вокруг вершины дышала удушающим, плавящим камни жаром.

Целая вереница боевых марионеток безмолвно устремилась к раскалённому кратеру.

Хэ Бугуй восседал верхом на механическом олене-лушу. Серебряный лунный свет очерчивал его тонкий, изящный силуэт, казавшийся сейчас особенно хрупким. Сзади безмолвным стражем парил Бии — механический исполин. Взмахи его огромных крыльев порождали низкий, вибрирующий гул. Для создания этого летучего доспеха использовался редчайший сплав, способный противостоять всепожирающему пламени лавы и нейтрализовать ядовитые испарения.

Подготовка к этой ночи отняла у него целый месяц и едва не стоила жизни. Изнуряя себя работой на пределе возможностей, Бессмертный Тайвэй несколько раз лишался чувств от истощения и приходил в себя лишь на рассвете. И всё же он успел. Последние штрихи на тело сотой марионетки легли буквально за считанные часы до назначенного срока.

Стиснув зубы, Хэ Бугуй решился на отчаянный шаг. Он привёл с собой сотню сложнейших кукол, намереваясь одним сокрушительным ударом усмирить разбушевавшуюся стихию горы Алого Золота.

Древняя священная гора таила в себе колоссальную мощь. Обычные заклинатели даже вообразить не могли масштаб угрозы, сокрытой в её недрах. Лишь Хэ Бугуй, годами спускавшийся в раскалённые пещеры ради добычи редких руд и своими глазами видевший, как божественные звери пьют расплавленный камень, понимал истинное положение вещей. Пытаться в одиночку преградить путь этому бушующему хаосу казалось безумием, граничащим с самоубийством.

Природные стихии несли волю древних богов, и перед лицом этой грозной силы смертные были не более чем песчинками на ветру.

Но злой рок или каприз небес возложили это бремя на его плечи. И пускай у него было лишь хрупкое человеческое тело, уникальный дар повелевать механизмами позволял ему разделять собственную силу между сотнями марионеток. Он нашёл способ стать тем самым безумным богомолом, который дерзнул остановить мчащуюся повозку.

— Спускаемся, — тихо скомандовал он.

Широкие белоснежные одежды Бессмертного Тайвэя взметнулись на ветру. Украшавшие подол и рукава чернильные узоры замелькали в полумраке, уподобляя заклинателя парящему в лунном сиянии журавлю. Вот только взгляд этого «журавля» дышал ледяной решимостью, а его полет обещал стать не изящным танцем, но прелюдией к смертельной схватке со стихией.

Марионетки подчинились мгновенно. Механический олень ринулся вниз, увлекая за собой огромную птицу Бии прямо в разверзнутую пасть вулкана.

Глубина кратера превышала три тысячи метров. Олень-лушу замер, спустившись лишь на десяток чжанов, и плавно опустился на ровную, антрацитово-чёрную каменную площадку.

Эту платформу Хэ Бугуй приказал возвести в тот самый день, когда раненый зверь Куньда покинул жерло. Тогда же он укрепил её мощнейшими защитными барьерами, способными сдерживать неистовый жар вулкана. Изначально плиты покрывал вековой слой нетающего льда, но по мере того, как поднимался уровень лавы, ледяной щит испарился без следа. Барьеры пошли трещинами, а сквозь глубокие стыки обсидиановых глыб уже пробивалось зловещее алое свечение.

Опора под ногами могла рухнуть в любую секунду.

Хэ Бугуй неторопливо сошёл на раскалённый камень. Взмахнув широким рукавом, он рассыпал вокруг себя десятки крошечных золотистых бусин. Словно повинувшись древнему таинству сотворения войска из горсти проса, золотые искры коснулись пола и в мгновение ока раздались вширь и ввысь, обратившись в ростовых марионеток.

У этих созданий не было внешней оболочки — лишь прочные каркасы из темного золота. Лишенные плоти, они щерились обнаженными сочленениями, напоминая сотню обгоревших скелетов. В груди каждого тусклым молочным светом мерцало духовное ядро, разносящее чистую энергию по металлическим костям. Животы марионеток служили узлами великой печати; каждая отдельная кукла являлась самостоятельным микрокосмом, готовым связать энергетические потоки воедино: от точки — к вектору, от вектора — к несокрушиму барьеру.

Для утонченного вкуса Хэ Бугуя подобные полуфабрикаты были верхом безвкусицы, однако неумолимо ускользающее время лишило его возможности заняться эстетикой. Да и к чему шить изящные одежды для тех, кому суждено сгореть в первом же бою? Эта сотня должна была уйти в небытие.

Хэ Бугуй достал из потайного кармана флакон и высыпал на ладонь пригоршню круглых пилюль. Каждая такая жемчужина могла мгновенно восполнить силы мастера уровня Золотого Ядра. Обычный человек не рискнул бы принять больше одной за раз, но для задуманного Хэ Бугую требовался поистине чудовищный объем энергии. Пренебрегая опасностью, он единым махом отправил в рот все десять штук и проглотил их, не поморщившись.

Он медленно прошествовал в самый центр площадки. Марионетки плотным кольцом обступили своего создателя и синхронно опустили на колени, образовав живую стену.

Снадобье подействовало мгновенно. Неукротимый поток духовной энергии хлынул по его истощённым каналам-меридианам. Жгучая волна распирала тело изнутри, отзываясь во всём теле невыносимой, разрывающей болью.

Его изношенная плоть не могла долго выдерживать силу, далеко превосходящую предел возможностей. Каждая секунда промедления была смерти подобна. Превозмогая судороги, Хэ Бугуй вскинул руки. Из его рукавов вырвался веер из тончайших, почти невидимых нитей духовной связи. Ровно сто сверкающих струн устремились к марионеткам, без промаха вонзаясь в их спины, прямо в область средоточия воли.

Куклы замерли, но их духовные сердца отозвались мгновенной переменной: прежде тусклые ядра вспыхнули слепящим светом. Канал связи замкнулся. Теперь они были единым целым со своим творцом.

— Души сущих в мире сил, сойдите во мне, обратитесь в бесконечный поток! — разнесся под сводами его чистый голос.

Хэ Бугуй стремительно сплел пальцы в защитную мудру. Марионетки повторили жест с точностью до миллиметра, их суставы сухо защелкали, воспроизводя сложный узор плетения.

Гул прокатился по подземелью. Невидимый пресс духовного давления устремился вниз, ложась на обсидиановые плиты незримым заслоном. Яростный, обжигающий напор поднимающейся лавы был тверд и слеп, точно таран, но опустившаяся печать Хэ Бугуя обволакивала его, словно вязкая тина. В этом безмолвном противостоянии колоссальные силы гасили друг друга, распадаясь на горячие упругие вихри.

Мгновение — и мягкое одолело твердое. Первая ступень барьера встала намертво.

Хэ Бугуй переменял плетение. Его голос, обретший былую сталь, зазвучал под сводами пещеры величественно и гулко, словно он стоял перед ликами древних божеств в пустом святилище:

— Моё сердце — горнило, стихии покорны воле моей, небо и земля сливаются воедино!

С последним словом заклęcia марионетки ничком упали на плиты. Раздался оглушительный треск — под ногами Хэ Бугуя обсидиановое плато раскололось. Из образовавшихся разломов хлынули потоки жидкого огня, расчертив чёрный камень узором исполинской пылающей паутины.

— Предводители воинств, предстаньте пред строем!

Взрыв потряс пещеру. Истончившийся камень обратился в прах. Лишившись опоры, сотня золотых скелетов рванулась вниз, без колебаний бросившись в ревущее море жидкого пламени.

В то же самое время в одном из гостевых покоев дворца Небесного Предела...

— Божественная дева, на горе Алого Золота наконец-то началось движение.

Ночной ветер шевельнул тончайшую вуаль её накидки. И хотя ткань приоткрывала лишь край лица незнакомки, не возникало сомнений: её красота была способна низвергать царства.

Она тихонько вздохнула и отвела затуманенный взор от окна. На её губах заиграла едва заметная улыбка:

— Судьба благоволит нам — лучшего момента и не придумаешь. Но почему в вашем голосе сквозит тревога, глава секты? Опасаетесь, что пламя вырвется наружу?

Собеседник не успел ответить. Божественная дева сложила ладони на груди и беззвучно обратилась с короткой молитвой к звездам. Закончив, она негромко произнесла:

— Бессмертная резня не в характере моего народа. Вам не о чем беспокоиться, глава секты. Если Дворец Небесного Предела скрывал от вас правду, значит, у них всё под контролем. Меня удивляет другое: как они решились доверить столь опасное дело одному-единственному человеку? Этот Бессмертный Тайвэй поистине выдающаяся личность.

Мужчина виновато опустил голову:

— Он — признанный столп всего мира совершенствующихся. Без великой силы за ним никто бы не пошёл. Отныне нам следует действовать в разы осмотрительнее.

— Пустяки. Один противник или трое — не имеет значения. Буйство стихии неизбежно породит колоссальные возмущения в потоках магии, а это нам только на руку. Оставь меня.

Притворяя дверь, глава секты не удержался и бросил короткий взгляд назад. Божественная дева опустила на циновку, скрестив ноги, и затянула тихую песню на древнем языке.

Станный мотив лился плавно и заставлял сердце биться медленнее. Звуки завораживали. Кто бы мог подумать, что зловещее искусство подчинения душ, некогда наводившее ужас на всю Поднебесную, звучит как нежная колыбельная?

По мере того как чары набирали силу, облик Божественной девы стал стремительно меняться. Из-под края подола показались не изящные ступни, а гибкое кольцо сине-черной чешуи. Скрытая одеждами плоть прямо на глазах перерождалась, принимая очертания длинного змеиного хвоста. Глава секты ощутил, как по спине пробежал холодок страха. Спешно пробормотав извинения, он захлопнул дверь.

Бушующие волны магии, катившиеся со стороны горы, сделались идеальным прикрытием для запретного колдовства. Невидимые нити её голоса скользили сквозь заслоны, просачивались сквозь стены и находили свои цели, проникая в уязвимое сознание спящих в лесах тварей.

Тем временем в жерле горы Алого Золота битва приближалась к кульминации.

Хэ Бугуй парил над бездной. Раскаленные брызги прожигали ткань его белоснежных одежд, но он не отступал ни на шаг. Пальцы заклинателя едва заметно подергивались, удерживая натянутые струны духовных нитей, уходящих глубоко в бурлящий океан огня.

В сравнении с буйством первозданной стихии любое живое существо казалось ничтожным. Но он вознамерился сотворить невозможное — силой смертного укротить ярость богов.

Сомкнув веки, он до предела разогнал потоки энергии в меридианах, направляя всю мощь пилюль в духовные ядра своих творений. Чувствуя каждое из них как продолжение собственного разума, Хэ Бугуй резко потянул за невидимые поводья. Сто марионеток, маневрируя в кипящем месиве, начали сходиться, выстраиваясь в исполинскую конусообразную фигуру.

— Печать, воспрянь!

Языки лавы взметнулись к самому небу, грозя поглотить неподвижную фигуру заклинателя. Огненный вихрь уже коснулся его одежд, когда пространство содрогнулось от мощного гула. Неистовое пламя внезапно надломилось и устремилось вниз, словно чьи-то незримые руки схватили огненного исполина за шиворот и швырнули обратно в бездну.

Вся жидкая масса начала стягиваться к вершине невидимого конуса. Сокрытая там гравитационная воронка жадно затягивала расплавленный камень, лишая его возможности подняться. Лава редела, тщетно пытаясь вырваться, но закручивалась всё сильнее, уходя глубоко под землю гигантским водоворотом.

Огненное озеро, едва не выплеснувшееся за края кратера, стало стремительно мелеть.

Лоб Хэ Бугуя покрыла испарина.

«Мало, — пронеслось в мыслях Хэ Бугуя. — Этого всё ещё мало...»

Марионетки на внешнем контуре барьера одна за другой исчерпывали резервы. Их ядра гасли, а сами тела, не выдерживая давления, рассыпались золотой пылью и бесследно исчезали в бездне. Ряд за рядом, круг за кругом они приносили себя в жертву, сдерживая напор стихии.

Нити связи в его руках рвались одна за другой. Но под воронкой водоворота наконец проступили очертания великой сферы удержания. Бушующая тепловая энергия послушно запечатывалась внутри этого прозрачного кокона.

Освободив пальцы, он отпустил остатки связующих струн. Светившиеся нити растаяли в воздухе россыпью золотых искр, которые тут же притянуло к поверхности сферы.

Время словно замедлило свой ход. Но этот покой таил в себе смертельную опасность. Хрупкое

равновесие держалось исключительно на прочности поглощающей печати. Малейшее колебание, секундная потеря контроля — и накопленный внутри сферы гнев вулкана вырвется наружу, уничтожив всё живое в радиусе сотен ли.

Оставался последний шаг — придавить этот нарыв колоссальной духовной силой.

Почувств приближение развязки, Бии распахнул крылья над головой своего создателя, укрывая его от падающих камней. Механический олень-лушу замер внизу, готовый в любой миг подхватить Хэ Бугуя.

Хэ Бугуй глубоко вздохнул и направил остатки чужой силы, бурлящей в его жилах, в единую точку фокусировки.

Сила поглощенных пилюль иссякла без остатка. Внутренние резервы рассыпались прахом, но для победы этого не хватало. Тогда Хэ Бугуй пошёл на безумный шаг: он обратился к главному источнику энергии и начал вытягивать силу из самих защитных контуров Парящего дворца.

Узнай об этом другие мастера — его без сомнений сочли бы безумцем.

Он висел в воздухе, бледный как полотно, изнемогая от запредельного напряжения. Тёмная кровь брызнула с его губ, окропив белоснежный ворот. Из последних сил цепляясь за угасающее сознание, Хэ Бугуй сделал решающий пасс руками.

Грохот разорвал ночную тишину, а затем мир погрузился в абсолютный покой.

Холодное сияние луны вновь мягко окутало вершину. Величественная гора Алого Золота, простоявшая здесь тысячи лет, затихла, словно погрузившись в глубокий сон. И ничто вокруг больше не напоминало о той смертельной буре, что бушевала здесь мгновение назад.

<http://bllate.org/book/20165/2132081>